

АННА
КЭМПСБЕЛ

*Семь ногей
в постели
повесы*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К98

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Anna Campbell

SEVEN NIGHTS IN A ROGUE'S BED

Перевод с английского *М.А. Комця*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Кэмпбелл, Анна.

К98 Семь ночей в постели повесы : роман / Анна Кэмпбелл ; [пер. с англ. М. А. Комця]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088954-9

О таинственном хозяине замка Крейвен Джозефе Меррике ходила молва как о жестоком чудовище, чья черная душа под стать скандальному происхождению и обезображенному шрамами лицу.

Однако у красавицы Сидони Форсайт выбора не было — ради спасения сестры она добровольно предложила себя Джозефу в любовницы... и со временем поняла, какую прекрасную, благородную и искреннюю душу скрывают суровые манеры и ужасные шрамы.

Сидони и Меррик полюбили друг друга страстно и беспредельно. Но счастье их под угрозой, ведь девушка вынуждена скрывать тайну, которая может навсегда изменить жизнь ее любимого, а саму ее безвозвратно погубить...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Anna Campbell, 2012

© Перевод. М.А. Комця, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers,
2017

ISBN 978-5-17-088954-9

Глава 1

Побережье Южного Девона, ноябрь 1826 года

Гроза раскалывала небеса, когда Сидони Форсайт двигалась навстречу своему бесчестью.

Лошади дико заржали, и ветхий наемный экипаж, резко дернувшись, остановился. Ветер дул с такой силой, что карета раскачивалась даже после остановки. Сидони едва успела перевести дух, как возница — смутная тень в клеенчатом плаще, с которого стекали потоки воды, — замаячил в темноте, чтобы открыть дверцу.

— Замок Крейвен, мисс! — прокричал он сквозь завесу дождя.

На мгновение ужас перед тем, что ожидает ее в замке, парализовал Сидони. «Замок Крейвен» — воистину трусливый, малодушный.

— Мои клячи не могут долго стоять. Вы точно выйдете, мисс?

В душе всколыхнулся трусливый порыв упрямости возницу отвезти ее назад в Сидмаут. Если она сейчас уедет, ничего страшного не случится. Никто никогда не узнает, что она была здесь.

«А что же тогда будет с Робертой и ее сыновьями?»

Безжалостное напоминание об опасном положении сестры подтолкнуло Сидони к лихорадочным действиям. Схватив саквояж, она выбралась из кареты и тут же покачнулась под порывом ветра. Не без труда удерживая равновесие на скользких булыжниках, она медленно подняла глаза на возвышающуюся перед ней черную громадину.

Сидони еще думала, что в карете холодно. На открытом пространстве холод был просто леденящий. Девушка

съежилась, когда ветер пронизал ее шерстяную накидку. Словно в подтверждение того, что она вступает в царство готических ужасов, сверкнула молния. От последующего за ней громового раската лошади нервно дернулись, зазвенев сбруей.

Несмотря на вполне понятное желание поскорее вернуться к цивилизации, кучер сразу не уехал.

— Вы... того, точно уверены, что вас тут ждут, мисс?

Даже сквозь завывания ветра Сидони расслышала его сомнения. Сомнения, отражающие ее собственные. Она выпрямилась, насколько позволял сбивающий с ног ветер:

— Да. Спасибо, мистер Уоллис.

— Ну, тогда доброго вам здоровьяца. — Кучер взобрался на козлы и, хлестнув лошадей, пустил их в неровный галоп.

Сидони подхватила саквояж и взбежала по ступенькам невысокого крыльца к тяжелой двери. Остроконечная арка над входом давала мало защиты. Очередная вспышка молнии помогла ей обнаружить дверное кольцо в форме львиной головы. Она ухватилась за него рукой в перчатке, подняла и отпустила. Из-за рева ветра и шума дождя стук был почти неразличим.

Она нетерпеливо постучала еще, но никто не спешил открывать. Температура, казалось, упала еще градусов на десять, пока она стояла сгорбившись под секущими дождевыми струями.

Что, скажите на милость, она станет делать, если в доме никого нет?

К тому времени, когда дверь со скрипом отворилась, явив старую женщину, у Сидони зуб на зуб не попадал, она тряслась словно в лихорадке. Порыв ветра подхватил пламя одинокой свечи, и тоненький огонек замерцал.

— Я... — закричала Сидони сквозь бурю, но женщина отвернулась и направилась в глубь дома. Растерявшаяся девушка шагнула за ней.

Она оказалась в необъятном холле, наполненном тенями. Тускло-коричневые гобелены прикрывали высоченные

каменные стены. Огонь в массивном очаге не горел, и это не добавляло дому гостеприимства.

Сидони пробрала дрожь, когда холод от каменных плит пола просочился сквозь подошвы ее полуботинок. Дверь позади захлопнулась с каким-то роковым стуком. Вздвигнув, девушка обернулась и обнаружила еще одного старого слугу, поворачивающего тяжелый ключ в замке.

«Что, во имя всего святого, я наделала, приехав в это богом забытое место?»

С закрытой дверью тишина в доме показалась еще более угрожающей, чем ревущая буря снаружи. Единственным звуком было глухое «кап-кап-кап» с ее промокшей накидки. Страх, верный спутник с тех пор, как Роберта поведала ей о своей беде, свинцовой тяжестью угнездился в животе Сидони. Согласившись помочь сестре, она надеялась, что попытка, какой бы ужасной она ни была, закончится быстро. В этой же мрачной крепости ее охватило страшное предчувствие, что она больше никогда не увидит белого света.

«Прекрати выдумывать всякие глупости», — мысленно велела она себе.

Однако подбадривающие слова никоим образом не успокоили нарастающего приступа паники. Желчь подступила к горлу, пока Сидони следовала за безмолвной экономкой по бесконечному холлу. У нее возникло странное чувство, будто тысячи злых духов скалятся на нее из темных углов.

Онемевшими пальцами Сидони стиснула ручку саквояжа и напомнила себе, какие бедствия падут на голову Роберты, если она потерпит неудачу.

«Я сделаю это. Я смогу».

Да, несмотря на то что она зашла уже так далеко, существует вероятность провала. Этот план с самого начала был рискованным. Сейчас, когда Сидони оказалась здесь одна, без защиты, ей поневоле пришлось в голову, что замысел, разработанный в Барстоу-холле, был большой глупостью, граничащей с безумием. Если б только сомнения могли

помочь ей придумать какой-нибудь иной способ спасти сестру.

Старуха экономка все шаркала впереди. Сидони так за-коченела, что с трудом передвигала ноги. Слуга не предложил взять у нее ни накидку, ни саквояж, а когда она оглянулась, исчез так же тихо и бесшумно, как и появился, словно растворился среди замковых призраков.

Сидони и ее неразговорчивая провожатая подошли наконец к двери в противоположной стене, такой же внушительной, как и входная дверь. Старуха толкнула дверь, и та мягко и тихо отворилась на хорошо смазанных петлях. Собравшись с духом, Сидони шагнула в яркий свет и тепло.

Дрожа как осиновый лист, она остановилась у трапезного стола, тянувшегося через всю комнату. С обеих сторон выстроились тяжелые дубовые стулья, потемневшие от времени. Комната предназначалась для шумной компании, но, подняв глаза от столешницы, девушка увидела, что сейчас в ней присутствует только один человек.

Джозеф Меррик.

Незаконнорожденный отпрыск аристократа. Могущественный и удачливый делец, богатый, как Крез. Серый кардинал в политике. И негодяй, который нынешней ночью воспользуется ее телом.

— Господин, тут к вам леди.

Не меняя вальяжной позы на троноподобном стуле на дальнем краю стола, хозяин дома поднял голову.

При первом взгляде на него у Сидони перехватило дыхание. Саквояж выскользнул из онемевших пальцев и шлепнулся на пол. Она быстро опустила глаза, пряча свое потрясение под капюшоном.

Роберта предупредила ее. Уильям, зять, был беспощаден, понося характер и внешность Меррика. И она, разумеется, как и все, слышала сплетни о нем.

Но ничто не подготовило ее к зрелищу его изуродованного лица.

Сидони до крови закусил губу, сражаясь с порывом развернуться и бежать куда глаза глядят. Но она не может

убежать! Слишком многое сейчас зависит от нее. В детстве Роберта была ее единственным защитником. Теперь настала очередь Сидони спасти и защитить сестру любой ценой.

Она неуверенно подняла глаза на пользующегося дурной славой хозяина Крейвена. Меррик был в сапогах, бриджах и белой рубашке с расстегнутым воротом. Сидони оторвала взгляд от смутного намека на мускулистую грудь и заставила себя посмотреть ему в лицо. Возможно, ей удастся обнаружить хотя бы крошечную трещинку в его решимости, какой-нибудь след жалости, который удержит его от этого бесчестного деяния.

Однако при более внимательном взгляде стало понятно, что эта надежда тщетна. Человек, который был настолько беспощаден, что заключил эту дьявольскую сделку, едва ли смягчится теперь, когда добыча уже у него в руках.

Густые иссиня-черные волосы, длиннее, чем диктует мода, падали на высокий лоб. Выступающие скулы. Квадратная челюсть, указывающая на надменную самоуверенность. Глубоко посаженные глаза, устремленные на нее со скучающим выражением, которое испугало ее больше, чем мог бы испугать предполагаемый пыл.

Он не был красив даже до того, как какой-то бандит в его таинственном прошлом рассек ему внушительный нос и впалую щеку. Шрам толщиной с ее большой палец тянулся от уха до самого уголка рта. Еще один, потоньше, рассекал надменную черную бровь.

Белая рука грациозно удерживала тяжелый хрустальный бокал. В свете свечей угрожающе сверкнул рубиновый перстень. «Кларет и рубин цвета крови», — подумала Сидони и тут же пожалела об этом.

— Вы опоздали. — Голос Меррика оказался глубоким и таким же апатичным, как и манера поведения.

Сидони ожидала, что будет напугана, но никак не ждала, что еще и разозлится в придачу. Явное отсутствие интереса хозяина Крейвена к своей жертве породило негодование, сильное, как очищающая приливная волна.

— Дорога заняла больше времени, чем ожидалось. — Сидони была так зла, что даже руки у нее не дрожали, когда она откинула капюшон на спину. — Погода не одобряет ваш коварный замысел, мистер Меррик.

Дерзко вскинув непокрытую голову, Сидони испытала мрачное удовлетворение, увидев, как выражение скуки мигмом слетело с его лица, сменившись ошеломленным любопытством. Он выпрямился и воззрился на нее через стол.

— Кто вы, черт возьми, такая?

Незнакомка, разрази ее гром, даже не вздрогнула, когда Джозеф раздраженно рявкнул на нее. Лицо под растрепанными волосами кофейного цвета было бледным и чувственно красивым.

Он вынужден был отдать ей должное. Наверняка она была ни жива ни мертва от страха, не говоря уж про холод, однако стояла спокойная, как мраморная статуя.

Впрочем, нет, не совсем. Если приглядеться повнимательнее, на щеках у нее проступили розовые пятна. Девчонка отнюдь не так хладнокровна, как хочет казаться.

И она молода. Слишком молода, чтобы путаться с таким циничным, своекорыстным негодяем, каким был Джозеф Меррик.

Рядом с незнакомкой миссис Бивен заламывала руки:

— Господин, вы сказали, что ждете даму, и когда она постучала...

— Все в порядке, миссис Бивен. — Не сводя глаз со своей гостью, Меррик взмахом руки отпустил экономку. Ему следовало бы разозлиться, что его настоящая добыча избежала силков, но любопытство взяло верх. Так кто же эта несравненная? — Оставьте нас.

— Но вы ожидали нынче другую леди?

Губы его скривились в улыбке.

— Думаю, нет. — Он окинул безмолвную девушку оценивающим взглядом. — Я позвоню, когда вы понадобится, миссис Бивен.

Недовольно ворча себе под нос, экономка удалилась, оставив его наедине с гостьей.

— Я так понимаю, прекрасная Роберта чем-то занята, — проговорил Меррик вкрадчивым тоном.

Полные губы девушки сжались. Должно быть, у нее, как и у всех, вызывали отвращение его шрамы, но, не считая несколько одеревенелой позы, держалась она замечательно. Леди Роберта знает его много лет и все равно при каждой встрече дрожит от ужаса.

Злость помимо воли омрачила ему настроение. Он уже предвкушал, как научит жену своего кузена выносить его присутствие, не страдая мигренью. Появление сей надменной красавицы разбило эти надежды. Он праздно гадал, предложит ли она соответствующую компенсацию за его разочарование. Трудно сказать. Невозможно почти ничего разглядеть под этой поношенной накидкой, с которой на пол натекали лужи воды.

— Меня зовут Сидони Форсайт, — вызывающе представилась девушка и гордо вздернула голову. Он был слишком далеко, чтобы рассмотреть цвет глаз, но знал — они негодуяюще сверкают. Обрамленные тонкими изящными бровями, глаза были большими и чуть-чуть раскосыми, придавая лицу экзотичности. — Я младшая сестра леди Холбрук.

— Мои соболезнования, — сухо отозвался Джозеф. Теперь он понял, кто перед ним. Он слышал, что незамужняя сестра Форсайт живет в Барстоу-холле, родовом имении кузена, хотя никогда прежде с ней не встречался.

Он попытался отыскать какое-нибудь сходство Сидони с сестрой. Роберта, виконтесса Холбрук, была признанной красавицей, но в традиционном английском стиле. Эта девушка с темными волосами и ореолом нетронутой чувственности — нечто совершенно иное. Он был заинтригован, но ничем не выдал своего интереса, сделав вид, будто ее приезд — скучнейшее событие.

— А где же леди Роберта в эту славную ночь? Если я не ошибся в дате, мы условились провести неделю в компании друг с другом.

Искорка торжества осветила лицо девушки, отчего ее темная красота зажглась как факел.

— Моя сестра для вас недоступна, мистер Меррик.

— Зато вы доступны. — Он приправил свою улыбку угрозой.

Ее короткое самодовольство испарилось.

— Да...

— Догадываюсь, что вы предлагаете себя вместо нее. Весьма любезно, хотя и несколько самонадеянно полагать, что любая случайная женщина удовлетворит моим требованиям. — Он отпил вина с безразличием, нацеленным на то, чтобы разозлить эту девчонку, которая расстроила его нечестивые планы. — Боюсь, это не ваше обязательство. Ваша сестра наделала карточных долгов — не вы. А впрочем, хоть и вы очаровательны, я уверен.

Ее изящное горло дернулось, когда она сглотнула. Да, определенно нервничает, хоть и храбрится. Он не настолько хороший человек, чтобы пожалеть эту отважную девушку. Но с некоторым замешательством Джозеф поймал себя на том, что в душе у него шевельнулось сочувствие. В свое время и он был молод. Он вспомнил, каково это — притворяться смелым, когда сердце сжимается от страха.

Он безжалостно задвинул нежелательное переживание в дальний угол, где держал запертыми все свои дурные воспоминания.

— Я — ваша плата, мистер Меррик. — Голос Сидони прозвучал впечатляюще холодно. *Brava, incognita!* — Если вы не возьмете свой выигрыш с меня, долг станет спорным.

— Так говорит Роберта?

— Честь требует...

Он резко, надтреснуто хохотнул и увидел, что девушка наконец дрогнула — от его издевки, а не от уродливого лица.

— Честь не имеет власти в этом доме, мисс Форсайт. Если ваша сестра не может расплатиться своим телом, то должна заплатить обычным способом.

Ее тон ожесточился.

— Вам прекрасно известно, что моя сестра не в состоянии покрыть свои расходы.

— Это трудности вашей сестры.

— Я подозреваю, вы знали, что она не сможет устоять перед соблазном, когда заманивали ее в игру. Вы используете Роберту, чтобы насолить лорду Холбруку.

— Ах, какое жестокое обвинение, — проговорил он с наигранным испугом, однако ее предположения были верны. Он не намеревался в ту ночь заманить Роберту в ловушку адюльтера, но представившийся случай ввел бы в искушение даже более нравственного человека, чем Джозеф Меррик. Особенно когда он знал, что к презрению Роберты примешивается здоровая порция физического влечения. — Предложить себя в качестве замены — чертовски сильная демонстрация сестринской любви.

Девушка не ответила. Он встал и медленно двинулся к ней.

— Прежде чем согласиться на эту замену, я должен увидеть, что получаю. Мозги у Роберты, может, и куриные, но вот все остальное весьма и весьма... гм... впечатляющее.

— У нее не куриные мозги. — Мисс Форсайт чуть попятилась, потом остановилась и подозрительно спросила: — Что это вы делаете, мистер Меррик?

Он продолжал приближаться.

— Разворачиваю свой подарок.

— Развора?.. — На этот раз она попятилась, не скрывая испуга. — Нет!

Губы его скривились в сардонической насмешке.

— Вы собираетесь оставаться в своей мокрой накидке всю ночь?

Краска на ее щеках проступила отчетливее. Она и в самом деле недурна собой — кремовая кожа, полные губы. Теперь, когда Джозеф был достаточно близко, чтобы заглянуть ей в глаза, он увидел, что они фиалково-коричневые и бархатистые, как анютины глазки. В нем шевельнулся мужской интерес. Не настолько сильный, как возбуждение,

но достаточно настойчивый, чтобы вскоре превратиться в чувственный голод.

— Да. То есть нет. — Она подняла дрожащую руку в черной кожаной перчатке. — Вы пытаетесь запугать меня.

Он продолжал улыбаться.

— Если и так, то, я бы сказал, у меня это получается.

Мисс Форсайт выпрямилась. Она оказалась довольно высокой, но ей все же было далеко до его шести футов.

— Я же сказала вам, зачем я здесь. Я не стану сопротивляться. Незачем изображать опереточного злодея.

— Вы будете сносить мои отвратительные ласки, но не позволите мне снять с вас накидку? Это несколько глупо.

Она перестала пятиться исключительно потому, что уперлась спиной в каменную стену. Глаза ее вспыхнули золотистым огнем гнева.

— Не насмехайтесь надо мной!

— Почему же? — лениво поинтересовался Меррик и протянул руку, чтобы развязать завязки на шее.

Она вжалась в стену в тщетной попытке спастись.

— Мне это не нравится.

— Привыкнете. — Руки его скользнули по плечам, почувствовав напряжение под промокшей шерстью. — К тому времени, как мы закончим, вы привыкнете к очень многому.

Сидони обреченно вздохнула, черты ее лица заострились.

— Полагаю, вы правы.

Насмешливость ушла из его голоса.

— Знаете, Роберта этого не стоит.

Мисс Форсайт не отвела взгляда.

— Нет, стоит. Вы не понимаете.

— Боюсь, что нет. — Если девчонка твердо вознамерилась броситься в омут с головой, зачем ему возражать? Особенно когда от нее приятно пахнет дождем и чуть-чуть женщиной. Когда он стащил накидку с ее плеч и та упала на пол мокрой кучей, обнаружилось, что под ней прелестные формы, словно созданные для его рук.

Она тихо ахнула, оставшись без накидки, и стояла, дрожа, но при этом воинственно выпятив подбородок.

— Я готова.

— Сомневаюсь, bella. — Он повнимательнее пригляделся к ее одежде и спросил с неподдельным ужасом: — Что это на вас надето?

Взгляд, который она метнула, свидетельствовал об острой неприязни.

— А что вам не нравится?

Он неодобрительно оглядел белое муслиновое платье с оборками, слишком маленькое для нее, слишком легкое для такой ненастной погоды, слишком немодное, слишком... в общем, все слишком.

— Ничего, если вы одеты, чтобы играть жертвенную девственницу.

— Почему же? — спросила она с горячностью. — Я ведь девственница.

Он закатил глаза.

— Ну разумеется. Тогда почему вы вручаете мне свою девственность, а не даете своей глупой сестрице самой расхлебывать кашу, которую она заварила.

— Вы ведете себя оскорбительно, сэр.

Он усмехнулся. Девушка оказалась куда забавнее, чем Роберта. Роберта уже устроила бы ему истерику. Однако невозможно представить, чтобы эта сдержанная богиня прибегла к такому средству. Быть может, ему, в конце концов, повезло. Его затаившееся раздражение из-за интриг Роберты, утихающее под влиянием дерзкого вызова этой прелестной девушки, исчезло без следа. Заманить Роберту в ловушку было делом отнюдь не сложным, хоть перспектива наставить рога своему презренному кузену и представлялась весьма привлекательной. Соблазнение же Сидони Форсайт обещало воистину прекрасное развлечение.

— Это мое лучшее платье, — надменно заявила мисс Форсайт.

Он насмешливо подергал обвисшую оборку вокруг выреза.

— Возможно, когда вам было пятнадцать. — Взгляд его заострился. — А сколько вам вообще-то лет?

— Двадцать четыре, — пробормотала она. — А вам?

— Слишком стар для вас. — В свои тридцать два он был ненамного старше по годам, но на миллион лет старше по опыту. И в этот миллион лет он не был образцом благо-разумия.

Ее лицо осветилось внезапной надеждой.

— Это означает, что вы меня отпустите?

На этот раз он рассмеялся в открытую.

— Ни за что на свете.

Она побледнела от страха. Он обнял ее одной рукой за плечи, голые под тонким лифом. При соприкоснове-нии что-то необъяснимое произошло между ними, слов-но пробежала искра. Когда она вскинула на него испу-ганные глаза, он погрузился прямо с головой в их барха-тистые глубины. Она задрожала, и он ослабил и смягчил объятие.

— Чего вы ждете? — выдавила девушка сквозь зубы.

Высечь его мало за то, что он ее мучит, но Джозефа по-прежнему одолевало любопытство. Он поднял другую руку к подбородку и повернул ее лицо. Так близко он различал каждую ресничку и золотистые ободки вокруг зрачков. Но-здри ее раздулись, словно она вбирала его запах точно так же, как он вбирал ее.

Или, быть может, она так напугана, что не может ды-шать?

— Вопрос в том, будет ли совращение невестки моего врага таким же запоминающимся, как совращение его же-ны? — промурлыкал он.

— Ублюдок... — прошипела она, обдав его лицо теплым дыханием.

Он улыбнулся, когда глаза ее расширились от страха.

— Совершенно верно, *belladonna*.

Он медленно наклонился и прильнул ртом к губам де-вушки. Запах дождевой свежести ударил в ноздри, вскру-жив голову нетерпеливым ожиданием. Она не отстрани-

лась, но губы оставались плотно сжатыми. Атласное тепло опьянило Джозефа.

Он скользнул губами по ее губам, скорее, в некоем намеке на поцелуй, чем в настоящем поцелуе. Даже когда кровь вскипела в жилах, настаивая, чтоб он овладел ею, что она здесь именно для этого, Джозеф Меррик сохранил соприкосновение легким, дразнящим. И не сжимал объятий, чтобы удержать ее. Агония неопределенности граничила с наслаждением, пока он ждал, когда она вырвется, проклиная и понося его. Но она оставалась неподвижной, как фарфоровая статуэтка.

Не более чем через мгновение Меррик поднял голову, потрясенный тем, что ему не хотелось прерывать этот невыразительный поцелуй. Он судорожно вздохнул, противясь сильнейшему порыву поцеловать ее как следует. Едва ли совращение невестки лорда Холбрука доставит ему большое удовлетворение, но у него было нехорошее чувство, что это сомнение его не остановит.

Глаза ее были большими и темными от потрясения. Потому что он поцеловал ее? Или потому что на один краткий миг ей это понравилось?

— Ну, что же вы медлите? — Голос ее осип. — Кончайте уже с этим.

Джозеф укоризненно постучал по щеке девушки указательным пальцем.

— Я еще не обедал, — мягко отозвался он и отпустил ее.

Она покачнулась, но довольно быстро обрела равновесие. Дыхание неровными вздохами вырывалось из приоткрытых губ. Он предпочитал ее гнев уязвимости. Помимо воли ее уязвимость разьедала его безжалостность, как ржавчина железо.

— Составите мне компанию?

Она бросила на него взгляд, полный вполне заслуженной ненависти.

— Я не голодна.

— Жаль. Сегодня вам понадобятся силы.